

Вагончик тронется

О спектакле Дмитрия Крымова «Все тут»

Сцена из спектакля «Все тут». Фото: zimamagazine.com

18:29, 26 февраля 2026,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

С тех пор как я засыпаю с половиной таблетки нейролептика, мне снятся сны исключительные по своей фантазмагоричности. Как я выхожу, к примеру, из каких-то мастерских, где была на экскурсии, и иду к остановке. Но снега столько, что я оставляю в нем свои угги, потом джинсы, колготки и практически в белье ковыляю к большаку. Вокруг — пустырь, сумерки и, насколько глаз прорывается сквозь метель, ни одного не то чтобы дома, а строения вообще. До остановки я все-таки добредаю и тут понимаю, что, скорее всего, околею в ожидании попутки. Тогда я принимаю волевое решение вызвать «Яндекс.Такси». И уже лезу в сумку за телефоном. И тут оказывается, что телефон я оставила в этих самых мастерских. Или утопила в снегу. Просыпаюсь, отверзаю, так сказать, полные ужаса очи и понимаю, что это не сон.

То есть сон, конечно, но не такой уж фантазмагоричный, если взять его как отпечаток моего похода в театр на Парковке (не путать с театром на Покровке). Где нынче исполняется гимн памяти, сочиненный Режиссером (в миру — Дмитрием Крымовым).

Память — вещь антикварная, легко конвертируемая и потому страшно дорогая. Хранить ее следует в малодоступных гражданам местах и желательно в контейнерах. С надписью «Всё тут».

Хотя, разумеется, надежнее всего хранить память в собственном сердце. Но что делать, если в сердце места не хватает? Или если память такая причудливая, что хочется ее показать и поразмышлять над ней с кем-нибудь из понимающих? Ну тогда остается сцена! Если ты режиссер, конечно. Но что делать, если

сцену демонтировали, а реквизит отправили в утиль?

А! Ну тогда смотри абзац номер один. По снегу в неизвестном направлении, молясь, чтобы не заблокировали компас, — в забытый богом торговый центр (кому вообще приходит в голову переться сюда за покупками?), на подземную парковку, за железную (буквально) дверь, за которой волонтеры намерены память спасти.

Сцена из спектакля «Все тут». Фото: zimamagazine.com

Замечено, что память, в отличие от физиономии, с возрастом не усыхает, а прирастает сопутствующим реквизитом. Реквизит, как нам наглядно демонстрируют (художник — Маша Трегубова), — всего лишь каркас. Наш городок (тот, что Торнтон Уайлдера), обозначенный драными стульями, подбитой люстрой и пошлыми барельефами, — это шведская стенка растущего мифа. Импровизированное надгробие с черно-белым Эфросом — крохотная грядка Маленького Принца,

оберегающего нежную розу самопознания. Всем дирижирует дедушка Бахтин, взывая к смеху там, где по сценарию ружье взведено в сторону львов, орлов и куропаток — читай, в сторону гнезда. Мрачный Цыганов и неизмеримая в амплитуде образов Смольникова — два крымовских полюса, ответственных за мировую гравитацию.

«А что я, Чехова, что ли, не сыграю?» И стоит двухэтажный Чехов над собственноручно посыпанной мукой (или пеплом?) Сонькой Золотой Ручкой, стоит, вписывает ее в историю свою душевную, обводит карандашом глухонемой Сахалин, сумевший, как известно, развязать язык самой непостижимой на свете драматургии. И мы уже забыли, что это история про папу (Эфроса) и сына (Крымова), про часовые (не к ночи будь помянуты) механизмы и холодильники ЗИЛ; мы уже поняли, что это про нас или хотя бы про то, чего нам не удержать, если бы не театр. Это спектакль памяти театра с его речевой обманкой и музыкальной правдой, бессмысленным маскарадом («Жень, сними парик, это слишком!») и реальным «Яндекс.Такси» (на нем въезжает на сцену Цыганов). Это может быть литургия в честь театра, каким ему больше никогда не бывать, — с искусным гримом и живыми голубями. И мы уже готовы зарыдать над всей этой сусальной ностальгией. Но вместо этого начинаем странным образом расти.

Сцена из спектакля «Все тут». Фото: zimamagazine.com

Потому что за 90 минут вырастает пространство самой парковки: от бомбоубежища — до сводчатого храма! Мы на дне, от которого уже не грех и оттолкнуться. А Кры... — простите, Режиссер — продолжает бесцеремонно сшивать свои ассоциации. Но вовсе не белыми нитками. От родительских писем, куража старушки-завлита до чеховского кровохарканья — это золотая канитель мыслящего и страдающего.

Страдающего и мыслящего. И золото это на поклонах стреляет сверкающей фольгой конфетти из тепловых пушек по всем адептам неубиваемой Мнемозины. Ура! Мы в детстве!

И пусть нам теперь самим («Ребята, помогите!») открывать запломбированные контейнеры-вагончики, слушать оперную певицу в пуховике и пить чай из китайских цветочных термосов, но только так можно оправдать финальный танец неоперившейся балеринки, переступающей классическими пуантами весь этот хлам и красноречиво ныряющей в то самое «Яндекс.Такси», читай — в цифровое будущее, где, как нас

уверяют, сохранится всё-всё-всё и еще, может быть, нас удивит.

Но пока мы все тут и всё тут, стоит заняться ручной упаковкой собственных сокровищ. Пора. Пока у них еще есть очертанья. А то того и гляди вагончик тронется.

Анна Аркатова